

О переводе и переводчике во время перемен

Е.А. Князева

*«Слухи о моей смерти несколько
преувеличены».*

Приписывается Марку Твену

В последнее время что-то часто я стала слышать разговоры о том, что переводческая профессия скоро будет не востребована и переводчики будут никому не нужны. Что касается меня лично, то с годами я выработала в себе определенную устойчивость к сенсациям и, видимо, поэтому этот вопрос долго оставался вне зоны моих интересов. Однако студенты переводческих отделений, на голову которых постоянно обрушивается апокалиптическая информация из самых разных источников, реагируют очень эмоционально. В частности, это происходит благодаря средствам массовой информации, которые порой чрезмерно увлекаются новомодными идеями и соответствующей фразеологией. В первую очередь, я имею в виду различные восторженные сообщения о возможностях искусственного интеллекта в области перевода. Не так давно я искренне считала, что вступать в дискуссию по этому поводу означает просто терять время. При всем уважении к журналистам, большинство из них далеки от профессионального перевода, переводоведения и лингвистики. Впрочем, как и от проблематики, связанной с созданием систем искус-

ственного интеллекта (ИИ). Это те самые носители обыденного сознания, или «наивные пользователи языка», как часто называл их В.Б. Кашкин, для которых самый правильный перевод – это перевод, выполненный компьютерной программой. Здесь скорее всего можно было бы действовать элементарным методом игнорирования, который в моем конкретном случае прекрасно работал. По крайней мере, до этого времени.

Но вот уже тема смерти перевода и переводчиков начинает звучать и в профессиональной среде. Об этом теперь говорят люди, получившие лингвистическое образование и даже имеющие некоторое отношение к переводу. Говорят очень уверенно, ссылаясь на различного рода прогнозы и статистику и подкрепляя свои аргументы тезисами о глобализации, цифровизации, уберизации, когнитивной революции... И действительно, было бы странно игнорировать тот факт, что наш мир сильно изменился – нравится нам это или нет. Безусловно, впечатляют исследования и результаты в области так называемого прикладного искусственного интеллекта, который часто, но необоснованно, отождествляют с искусственным разумом (в специальной терминологии – «сильным» искусственным интеллектом). Однако вывод о том, что искусственный интеллект уничтожит

профессию переводчика, звучит как-то тенденциозно. Почему, например, рассуждая о невероятном прорыве информационных технологий, не поговорить о врачах или о тех же журналистах? Ведь на самом деле он – то есть искусственный интеллект – вроде как уже может поставить диагноз или создать новостное сообщение на уровне среднего специалиста. Впрочем, лучше взять более близкую мне область, например, обучение иностранным языкам. Если допустить, что развитие ИИ полностью снимет языковой барьер, и это произойдет в ближайшем будущем, то простая логика подсказывает, что на грани вымирания окажется, прежде всего, профессия преподавателя иностранного языка. Но эта тема почему-то не так интересна, как смерть переводчика.

Признаюсь, что потребность написать эту статью возникла у меня по той простой причине, что я преподаю перевод. Каждый день я иду в аудиторию, чтобы учить студентов основам той самой профессии, которая, как нам обещают, совсем скоро будет никому не нужна. В этой ситуации занятие по переводу порой превращается в сеанс психотерапии, который я начинаю с простых вопросов из курса общей теории: почему перевод вообще возник? С чем, собственно, связана общественная потребность в переводе сегодня? Отвечая на эти вопросы, студенты обычно говорят о том, что, во-первых, мир по-прежнему говорит на разных языках (и, похоже, это надолго). Во-вторых, есть такая сугубо человеческая потребность в общении и информационном обмене на самых разных уровнях. А в-третьих, возникают все новые виды контента, которые – упрямая вещь! – требуют *осмысленного* перевода.

Если говорить о главных аргументах в пользу смерти переводческой профессии – модификации отрасли под влиянием информационных технологий, победном шествии машинного перевода и создании искусственного интеллекта, – то нельзя не признать, что это аргументы серьезные. Только вот выводы могут быть и другими. Как всегда, все зависит от того, откуда смотреть на одну и ту же вполне объективную картину. Но обо всем по порядку.

1. О прогнозах. Наверное, многие уже обратили внимание на то, что на переводческих форумах и конференциях проблемы изменения переводческой отрасли и модификации переводческой профессии обсуждаются в последнее время достаточно широко. Где-то с 2016 г. говорить о прогнозах развития отрасли стало своего рода модным трендом. Интерпретируются эти прогнозы по-разному: от эйфории по поводу полной замены человека машиной до полного пессимизма относительно существования целого ряда отраслей и профессий, среди которых, помимо перевода, не только упомянутые выше медицина и журналистика, но даже творчество – музыка и живопись.

Повторю, что лично для меня и моих коллег – преподавателей перевода – эта тема очень актуальна и, прямо скажем, болезненна. Ведь наша работа заключается в том, чтобы подготовить специалиста для современной индустрии перевода. А ситуация, которая складывается сегодня в самой отрасли, достаточно сложная. Приведу примеры двух крайних сценариев.

Прогноз 1: ничего принципиально не изменится, так как пока будут существовать разные языки и потребность в коммуникации, нужны будут и посредники.

На злобу дня

Новые технологии позволят переводить больше, быстрее и качественнее. Сохранится высококачественный человеческий перевод, и будет всем счастье.

Прогноз 2: новые технологии приведут к уничтожению индустрии перевода в ее нынешнем виде. Услуги индустрии сведутся к предложению платформ как технологических решений и баз данных. Традиционный перевод сохранится только в отдельных сегментах рынка, то есть применительно к текстам некоторой тематики (медицина, юриспруденция) и некоторым текстовым жанрам. Иными словами, счастье будет, но не для всех. Отсюда вывод: в настоящее время переводческая отрасль переживает период кардинальных перемен, обусловленных целым рядом внутренних и внешних причин. С одной стороны, переводческая профессия по-прежнему востребована, а с другой – совершенно очевидно, что она (профессия) во многом изменилась и продолжает меняться¹.

На прошедшей в декабре 2019 г. конференции Московского переводческого клуба МПК-10 эти проблемы активно обсуждались представителями индустрии перевода. Особенно запомнились доклады руководителя компании Janus Worldwide Константина Иоселиани «Стратегии развития в эпоху цифровой трансформации», генерального директора группы компаний Логрус IT Леонида Глазычева «Портал Logrus IT по проверке качества перевода», президента корпорации Logrus International Сергея Гладкова «Численные индикаторы существенных

отличий перевода человеком от машинного перевода». Темы этих докладов говорят сами за себя, но для меня было весьма симптоматичным следующее. Рассуждения о глобальных изменениях в нашем мире и нашей профессии, имевшие продолжение в кулуарах, заканчивались выводами о том, что отрасли требуются *специалисты, прежде всего сами умеющие переводить*. Правда, к ним добавились компетенции технологического характера, что связано с необходимостью использования различных средств автоматизации перевода. Но, как подчеркнул Константин Иоселиани, это можно освоить уже на рабочем месте, причем достаточно легко и быстро. Гораздо сложнее – научиться переводить, а именно такой специалист нужен сегодня в первую очередь.

2. О машинном переводе (МП).

К машинному переводу можно относиться по-разному, однако ни для кого не секрет, что в настоящее время он используется достаточно широко. С 2013 г. публикуются ежегодные отчеты о развитии переводческой отрасли, подготовленные крупными европейскими ассоциациями Elia, GALA, EUTAC, EMT, LIND, полный текст которых доступен на официальных сайтах этих организаций. В отчетах представлены объективные данные, свидетельствующие о возрастающих объемах МП, который используется как переводческими компаниями, так и фрилансерами.

Казалось бы, в наш век информационных технологий уже не остается сомнений в грядущей замене человека роботом по целому ряду специальностей, включая перевод. Однако не могу не отметить, что вера в возможности МП вот уже более шестидесяти лет переживает достаточно резкие сезонные колебания.

¹ Гавриленко Н.Н., Бирюкова Ю.Н. Развитие профессии переводчика: инструменты прогнозирования (на примере форсайт технологии // Электронный научно-образовательный Вестник «Здоровье и образование в XXI веке. 2018. Т. 20 [7]. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-professii-perevodchika-instrumenty-prognozirovaniya-na-primere-forsayt-tehnologii>

По какой-то странной причине люди возлагают большие надежды на то, что машина будет все делать сама и полностью заменит человека (причем, последнее относится не только к переводу). Однако для того, чтобы это «чудо» произошло, именно от человека постоянно требуются серьезные усилия. Последнее условие, как правило, остается за скобками, хотя вполне очевидно, что в процессе развития МП нагрузка на человека только нарастала. Каждый новый этап, начиная с разработки самых ранних систем, был связан с решением целого комплекса проблем, и, прежде всего, **проблемы качества перевода**, которая до сих пор продолжает оставаться одной из центральных.

Создание первых систем МП – так называемых **rule-based systems** (систем, основанных на правилах), оказалось возможным не только благодаря появлению компьютеров, как это часто позиционируется. Это стало возможным еще и благодаря разработанной к середине XX века теоретической лингвистике, на базе которой создавалась лингвистика компьютерная. Знакомство с некоторой специальной литературой позволяет сделать вывод о том, что качество перевода, выполняемого системой rule-based, находится в непосредственной зависимости от качества лингвистической составляющей. То есть, все от тех же словарей и все той же грамматики исходного и переводящего языков, которая должна быть очень хорошо проработана и описана². Кроме того, естественный человеческий язык – это живая система, и поэтому лингвистам приходится иметь дело не только с правилами, но и с исключениями, не говоря

уже о том, что существует этот упрямый, а иногда и противоречивый узус. Мысль банальная, но в этом контексте от нее сложно воздержаться. Что же касается прагматики, то ограничусь тем, что процитирую фразу, которую я достаточно часто слышала от компьютерщиков: «А прагматика вообще не формализуема».

Тем не менее, следует признать, что за последние двадцать лет машинный перевод был значительно усовершенствован. И действительно, те времена, когда мы с коллегами, сотрудниками факультета прикладной математики Воронежского государственного университета, прогоняли текст через машину исключительно с целью повеселиться, уже давно прошли. Остались в прошлом и программы машинного перевода, дававшие полную семантическую и синтаксическую кальку. Сегодня возможности на несколько порядков выше, однако для меня тезис о полной замене человека машиной по-прежнему очень сомнителен. На мой взгляд, об этом свидетельствует вся история машинного перевода, которая очень интересна и во многом поучительна.

Как известно, новые надежды на более высокий уровень качества перевода были связаны с разработкой систем, основанных на статистике (**statistics-based systems**). Благодаря появлению высокопроизводительных персональных компьютеров, способных обрабатывать и хранить огромные массивы данных, появилась возможность получать необходимую для перевода информацию непосредственно из текстов. Однако для успешной работы систем statistics-based требуются параллельные корпуса (и здесь опять возникает моя любимая тема!), которые должны включать **качественные переводы, выполненные человеком**. Качественные человеческие переводы –

² Здесь можно посмотреть интересное интервью с одним из ведущих разработчиков систем МП Л.Л. Йомдиным. URL: <https://postnauka.ru/video/37984>; <https://govoritmoskva.ru/interviews/318>

На злобу дня

причем в огромном объеме – требуются и для обучения нейронных сетей, но об этом немного позже. Хочу подчеркнуть, что эта мысль принадлежит не мне, на эту тему написано достаточно, причем именно специалистами в области ИИ. А на уже упомянутой ранее конференции МПК-10 неоднократно отмечалось, что система машинного перевода никогда не выдаст хороший результат, если ее обучали и тестировали «на хламе».

3. О проблеме качества машинного перевода. Вообще говоря, качество перевода оказалось очень неудобной проблемой для разработчиков. Конечно, проще всего заявить, что качество сейчас не является приоритетом и поэтому никого не волнует³. Одно время у меня даже были серьезные опасения относительно того, что современной конвенциональной нормой становится принцип *quick and dirty*. Но, похоже, эта тема уже не так популярна. Содержание другого концептуального подхода к решению проблемы качества перевода можно кратко сформулировать следующим образом: *разное качество для разных целей*. Иными словами, речь идет о том, что «чистой» перевод требуется далеко не во всех ситуациях. Лично у меня по этому поводу нет возражений, так как я часто убеждалась на собственной практике в том, что «парадный» вариант текста нужен не всегда. Только вот смущает конкретное наполнение понятий «*приемлемое*» качество (“good enough” quality), и *качество «приближенное к человеческому переводу»* (quality similar or equal to that of human translation). А именно эти поня-

тия закладываются сегодня в основу оптимизации программ МП.

Концептуально это выглядит следующим образом. Конкретные функции, которые должна выполнять система, в конечном итоге зависят от того, на какое качество перевода эта система ориентирована. Так, моментальный перевод сообщений по электронной почте или информации в соцсетях считается адекватным до тех пор, пока он обеспечивает коммуникацию. И поскольку коммуникация имеет неформальный характер, считается, что языковая корректность не так важна. Использование МП только для получения информации может быть обеспечено переводом с лексическими или синтаксическими дефектами (при условии достаточных фоновых знаний получателя). Использование продукта МП для публикации возможно при условии его соответствия нормативным критериям качества перевода.

Однако последнее по-прежнему остается теоретическим идеалом. Со времени создания статистических и гибридных систем становится все более очевидным, что необходимое качество перевода машина сама по себе обеспечить не может. Для этого необходимо *взаимодействие машины с человеком*, которое заключается в постредактировании результатов машинного перевода. Подчеркну, что эта проблема не теряет своей актуальности не только *несмотря на*, но и *в связи с* появлением нейросетевого переводчика. О растущей востребованности постредактирования также говорят данные уже упоминавшихся ранее отчетов о развитии переводческой отрасли. Предполагается, что в самом ближайшем будущем потребуется все большее число компетентных специалистов-постредакторов МП, и в этой связи стали говорить о необ-

³ В частности, об этом упоминал директор института иностранных языков РГПУ им. Герцена А.В. Ачкасов в своей презентации «Будущее индустрии перевода. Прогнозы на ближайшие двадцать лет». URL: <https://gavrilenko-nn.ru/school/video/view/64>

ходимости их специальной вузовской подготовки⁴. С одной стороны, казалось бы, мысль вполне своевременная и здравая, и опять же, еще один аргумент в пользу того, что машинный перевод не может полностью заменить человеческий. С другой – возникает ряд вопросов, связанных с содержанием и требованиями к постредактированию. И здесь я испытываю смешанные чувства. Несмотря на то, что эта тема сейчас достаточно активно обсуждается на конференциях и форумах, по-прежнему требует серьезной проработки вопрос о том, что такое постредактирование и каковы основные функции и задачи постредактора МП. Приведу часто цитируемое сегодня определение, которое дает ассоциация TAUS (Translation Automation User Society): «постредактирование машинного перевода – это процесс улучшения результата машинного перевода с помощью минимальных усилий». Далее уточняется, что цель постредактирования состоит в том, чтобы сделать текст понятным реципиенту», а его задача состоит в «улучшении результата МП» «с минимальным количеством усилий за минимальное количество времени»⁵. И, судя по всему, именно в этом и состоит кардинальное отличие постредактирования от редактирования традиционного. Правда, как человеку, имеющему некоторый опыт в редактировании текста, идея минимизации усилий и сокращения времени сначала показалась мне очень странной. Однако потом я поняла, что логика здесь простая и впол-

не очевидная: ведь если для обеспечения качества перевода требуются серьезные временные и трудовые затраты, то появляются сомнения в целесообразности использования МП как такового.

Существует и чисто практический вопрос о том, каким образом можно минимизировать усилия и сократить время. Предложения здесь следующие. Во-первых, поработать с исходным текстом и осуществить так называемое предварительное редактирование, под которым обычно понимается коррекция грамматических, орфографических и логических ошибок. Иными словами, если потратить время на предредактирование, то сократится время на постредактирование. Но в конечном итоге, то есть суммарно, такая экономия времени все-таки выглядит не вполне убедительно. Еще на ранних этапах развития МП возникла мысль писать исходный текст исключительно под машину, упрощая синтаксические конструкции и избегая идиоматики. Но одно дело подготовить материал в целях эксперимента, и совсем другое, когда речь идет о массовых масштабах. И в этом случае один из главных аргументов в пользу МП – экономия времени и усилий – превращается в свою противоположность, потому как получается, что не машина работает на человека, а человек на машину.

Вторая стратегия по улучшению качества перевода с помощью постредактирования заключается в том, чтобы составить четкие указания для постредактора (в модной сегодня терминологии – гайдлайны), набор и содержание которых определяется конкретной целью, а именно, тем самым конкретным уровнем качества перевода. Например, «гайдлайны», ориентированные на получение текста

⁴ Нечаева Н.В., Светова С.Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 25. С. 64–72. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.25.07

⁵ Machine Translation Post-Editing Guidelines [Online] URL: <https://www.taus.net/filedownloads/download?path=articles%252ftauscnegl-machine-translation-posteditingguidelines.pdf>

На злобу дня

«приемлемого качества» выглядят следующим образом:

- Не редактировать стилистические ошибки;
- Игнорировать логические проблемы;
- Максимально сохранять порядок слов;
- Не менять предложения местами;
- Не добавлять и не удалять информацию из текста;
- Термины оставлять как есть (за исключением случаев дословного машинного перевода, отсутствия термина в базе или очевидного несоответствия тематики – в таком случае воспользоваться онлайн-словарем);
- Редактировать лишь очевидные ошибки в переводе композитов;
- Следить за единообразием употребления терминов, единиц измерения и повторяющихся конструкций;
- Редактировать грамматические ошибки, особенно обратить внимание на перевод пассивных конструкций и согласование по лицам, числам и падежам.

«Гайдлайны», ориентированные на получение текста, пригодного для публикации, включают дополнительные указания:

- Не добавлять и не удалять информацию из текста;
- Редактировать очевидные логические и стилистические ошибки; *Корректировать порядок слов;*
- *Употребление терминов проверять по онлайн-словарю;*
- *Проверять перевод композитов;*

- *Следить за единообразием употребления терминов, единиц измерения и повторяющихся конструкций;*

- *Редактировать грамматические ошибки, особенно обратить внимание на перевод композитов, пассивных конструкций и согласование по лицам, числам и падежам;*

- *Следить за пунктуацией;*

- *Следить за форматированием текста.*

Этот перечень рекомендаций я заимствовала из публикации Павла Назарычева «Постредактирование машинного перевода»⁶. Свои взгляды по проблемам классификации и анализу переводческих ошибок я изложила в нескольких работах⁷. Однако в этой статье я воздержусь от подробного комментария по той простой причине, что в этих и других материалах подобного рода отсутствуют конкретные примеры, то есть не представлен текст перевода, качество которого квалифицируется как «приемлемое» или «пригодное для публикации». Отмечу только два важных, на мой взгляд, момента. Во-первых, ни в тот, ни в другой список не включены содержательные ошибки, а во-вторых, разграничение ошибок исключительно по языковым уровням не позволяет учесть степени их критичности для конкретного случая. Лексическая ошибка практически всегда сказывается на уровне денотативного содержания текста; квалификация ошибки как стилистической требует обоснованного разграничения нормативного и вкусового, и, что очень важно, ана-

⁶ Данный материал доступен по ссылке https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/archiv/1_2018.pdf

⁷ Более подробно эту тему я рассматривала в монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика». – М.: ФЛИНТА, 2018.

лиза ее последствий на уровне прагматики текста. И если совсем честно, меня действительно смущает тезис об умении игнорировать логические, синтаксические и стилистические ошибки как условие эффективности работы постредактора. На самом деле, для того, чтобы работать таким образом, специального обучения не требуется, многие студенты игнорируют ошибки весьма успешно при редактировании собственных переводов. И я глубоко убеждена в том, что данная концепция противоречит самой идее обучения. Как показывает практика, для того, чтобы научиться делать что-то хорошо, необходимо все-таки приложить определенные усилия.

Кроме того, в рассуждениях о специфике и результатах работы постредактора существует вполне очевидное, на мой взгляд, противоречие. Одна из функций постредактора заключается в умении **принимать решение о целесообразности и объеме редактирования**. В моем представлении, для того, чтобы принять такое решение, редактор должен быть, прежде всего, высококвалифицированным специалистом, который в состоянии оценивать уровень этого перевода. Но если от него требуется работать быстро и поверхностно, игнорируя ошибки, которые часто являются критическими, то каким же образом он сможет осуществить указанную функцию? Подозреваю, что эти и другие вопросы могут возникнуть не только у меня.

4. О нейросетевом переводе и искусственном интеллекте (ИИ). Пожалуй, это один из главных аргументов в пользу смерти переводческой профессии, который обладает поистине гипнотическим эффектом. Ведь в данном случае речь идет о технологии, которая, как многие искренне верят, имитирует работу чело-

веческого мозга! Но на самом деле все оказывается гораздо прозаичнее. Не являясь специалистом в этой области, я решила не брать на себя лишнего и обратилась за разъяснениями к руководителю Центра развития искусственного интеллекта Воронежского государственного университета доктору технических наук, проф. А.А. Сироте. С его согласия, я представлю полученную информацию в реферативном изложении.

Обычно создание систем прикладного ИИ связывают с применением нейронных сетей. В данном случае имеется в виду система, в которой используется **большая, или глубокая, искусственная нейронная сеть**. Термин **нейронная сеть** был заимствован из биологии, где он обозначает совокупность нейронов – клеток, которые обрабатывают, хранят и передают информацию с помощью электрических и химических сигналов. Исследования в области биологических нейронных сетей, собственно, и дали материал для разработки технологии искусственного интеллекта. В результате изучения процессов, протекающих в мозгу, была построена простая математическая модель нейронной сети и создана так называемая искусственная нейронная сеть как система соединенных и взаимодействующих между собой искусственных нейронов, то есть простых процессоров. Глубокие нейронные сети – это сети с большим количеством слоев нейронов, и в принципе, они известны достаточно давно, но только сравнительно недавно их научились обучать на больших объемах данных. Полученные результаты позволили утверждать, что произошел новый прорыв в области создания систем прикладного ИИ, особенно в области обработки изображений и анализа последовательностей данных и, в частности,

На злобу дня

текста. Принципиальное отличие нейросетевого МП от предыдущих систем заключается в том, что нейронные сети не программируются в привычном смысле этого слова, они **обучаются**. Возможность обучения является одним из главных преимуществ нейронных сетей перед многими традиционными алгоритмами, так как нейронные сети способны выявлять сложные зависимости между входными данными и выходными, а также выполнять их обобщение. В случае успешного обучения нейронная сеть сможет дать верный результат на основании данных, которые принципиально отсутствовали в обучающей выборке, а также при неполных и/или «зашумленных», частично искаженных данных. Как утверждают специалисты, глубокая нейронная сеть действительно может в некоторой степени имитировать работу человеческого мозга, но только на весьма низких уровнях абстракции. Может ли она «думать» в нашем понимании этого слова? Конечно же, нет.

Со своей стороны, позволю себе отметить, что машинный перевод считается одной из классических задач прикладного искусственного интеллекта. В конце 2016 года свои системы машинного перевода, построенные на базе нейронных сетей, продемонстрировали сразу несколько компаний, среди которых Google, Microsoft и SYSTRAN. Прогнозы и ожидания были очень оптимистичными: стали говорить о том, что наконец-то появилась возможность получить машинный перевод, если не сравнимый, то, по крайней мере, близкий к человеческому. С другой стороны, нельзя не заметить, что в последнее время стали появляться публикации о «третьей зиме ИИ», то есть о новом затяжном периоде потери интереса и сокращения финансирования этих

разработок. При этом отмечается, что, хотя на исследования были потрачены миллиарды долларов, «прогресс в глубоком машинном обучении уже в 2019-м стал самым медленным за пять лет». Кроме того, аналитики отмечают, что «на обучение, например, больших нейросетей тратят все больше и больше энергии, достижения при этом становятся все скромнее и скромнее»⁸.

Обсуждая со студентами темы нейросетевого переводчика и искусственного интеллекта, я часто задаю им следующий вопрос: когда вы переводите текст, вы думаете? На самом деле, этот банальный вопрос имеет принципиальное значение. Ведь, занимаясь переводом, думать надо гораздо чаще, чем это представляется многим оппонентам, безоговорочно верящим в «технические чудеса». Как уже отмечалось, несмотря на громкое и впечатляющее название, искусственный интеллект **не думает** в нашем понимании этого слова. По крайней мере, пока... Уточню, что, говоря «пока», я имею в виду не вопрос времени, а прежде всего познания главной тайны человеческого бытия: что такое наш разум и душа? Как это вообще работает? Как можно создавать системы сильного, в полном смысле разумного ИИ? Ведь мы до сих пор не знаем, что собой представляет интеллект естественный. Если же со временем, не дай Бог, эта тайна будет раскрыта, и искусственный разум будет все-таки создан... Да, такой гипотетический ИИ будет лучше, дешевле, он не будет уставать, болеть или впадать в депрессию... Но тогда не нужны будут не только переводчики, но и все другие профессии, да и вообще люди как вид *homo sapiens*. И как

⁸ Публикации на эту тему можно посмотреть здесь: <https://meduza.io/slides/tretya-zima-iskusstvennogo-intellekta-neft-po-90-dollarov-iz-aziatskaya-mirovaya-valyuta-na-blokkcheyne>

тут не вспомнить замечательную книгу братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» о фантастической научно-исследовательской лаборатории, на стене которой висел лозунг «Нужны ли мы нам?»

5. О переводческом решении. В контексте дискуссий о машинном и человеческом переводе одним из традиционных предметов обсуждения является качество *результатов* перевода. В этой связи я позволю себе повторить мою любимую мысль о том, что любое качество – и качество перевода не является исключением – во многом определяется самим процессом деятельности. Процесс собственно перевода – это аналитическая работа по принятию решения, как стратегического, так и тактического, осуществляемого на основе выбора. И вот здесь стоит, наверное, задуматься о том, каким образом осуществляет этот выбор человек и что делает машина. А разница здесь кардинальная. Машина, так или иначе, использует вероятностную модель и действует методом элементарной подстановки. Запомнив огромное количество вариантов перевода того или иного слова или фразы из имеющегося у нее массива данных, она делает заключение о том, как в этом конкретном случае мог бы перевести человек, и выбирает наиболее частотный вариант. Если же решение принимает человек, то он, в отличие от машины, одновременно сопоставляет и учитывает множество факторов как лингвистического, так и экстралингвистического порядка. Даже самых радикально настроенных оппонентов не приходится убеждать в необходимости анализа текста и сбора внешней информации в ситуации художественного и поэтического перевода. Но это примеры хрестоматийные. Существуют многие другие жанры и типы тек-

стов, работа с которыми требует значительных интеллектуальных усилий.

Одним из ярких примеров является публицистика, проблемы перевода которой обсуждаются в работах О.В. Петровой⁹. Рассматривая целый ряд факторов, которые учитывает переводчик при принятии переводческого решения, О.В. Петрова подчеркивает необходимость определять значимость той или иной информации для каждого конкретного текста. Приоритетным является не накопление информации, а ее отбор, который переводчик осуществляет, руководствуясь принципом релевантности. А поскольку в публицистике чрезвычайно важна имплицитная информация, для адекватной передачи смыслового содержания текста необходимо определить цель и интенцию автора, принять во внимание культурные различия исходной и целевой аудитории, хронологический фактор, идеологические позиции издательства, опубликовавшего текст, и т.д. Что касается предметной области текста, то в настоящее время машина вполне в состоянии ее определить и подобрать не только отдельные слова, но и фразы, и даже идиомы. Однако, как неоднократно подчеркивает О.В. Петрова, смысловое содержание публицистического текста не сводится к его предметной области, это всего лишь один из уровней текста как семантического и коммуникативного целого. Не уходя далеко в теорию, мне хотелось бы также сказать и о том, что, на мой взгляд, переводческое решение – понятие достаточно широкое. И я не склонна отождествлять его исключительно с «выбором межъязыкового соответствия».

⁹ Olga V. Petrova. Cultural, Communicative and Relevance Factors as the Bases for Decision-Making in Translation. – Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 9 (2018, 11). URL: <http://journal.sfu-kras.ru/en/number/72268>.

На злобу дня

Переводческое решение может иметь и операционный, и стратегический характер, поскольку оно принимается в конкретной коммуникативной ситуации и с учетом ее основных факторов, о чем неоднократно писал в своих работах В.В. Сдобников¹⁰. Как известно, во многих случаях опытные переводчики руководствуются интуицией, и она их не подводит, если основана на глубоких и всесторонних знаниях и опыте. В качестве примера приведу ситуацию социального перевода, которая всегда требует от переводчика спонтанных тактических решений. В ситуации социального перевода обеспечение взаимопонимания сторон осуществляется в таких специфических сферах, как здравоохранение, юстиция, образование, службы социального обеспечения, иммиграционные службы и т.п. В связи с различиями в статусах, объемах знаний и компетенций вероятность возможных сбоев и возникновения конфликтов в данном виде перевода особенно велика. Даже при условии грамматически и лексически «правильного перевода», какая-то часть специфической информации – например, различия в реалиях системы образования или здравоохранения или значимость каких-либо традиций или праздников – может быть не воспринята той или иной стороной. И с этим связана необходимость таких нестандартных для других видов устного перевода операционных решений, как запрос дополнительной информации, пояснение реалий, повторение сказанного, добавление, обобщение, а также и нулевой перевод. Такого рода тактические решения в принципе являются нестандартными для последовательного, а тем более и синхронного перевода, но здесь

переводчику необходимо действовать в соответствии с конкретной и весьма специфической ситуацией. Кроме того, в целях обеспечения эффективности коммуникации социальному переводчику приходится осуществлять стилистическую адаптацию текста, например, превращать разговорную и просторечную речь в более нейтральную, привычную для представителей государственных учреждений. Или сделать понятными для неспециалиста высказывания официальных лиц, которые практически всегда насыщены узкоспециальной терминологией. Но необходимость и характер таких решений опять-таки обусловлены особенностями каждого конкретного случая.

Если же говорить о решениях стратегического характера, то совсем недавно мы с моей бывшей ученицей и теперь уже коллегой обсуждали проблему, возникшую при переводе с английского языка учебного пособия по дошкольной педагогике¹¹. Это издание предназначено для воспитателей, учителей начальной школы (в том числе и будущих), а также родителей, а его основное содержание составляют практические рекомендации по воспитанию и уходу за ребенком.

Главный вопрос, который возник у нас по мере ознакомления с этим текстом, (и который мы задали издательству), был о цели перевода. Вопрос этот связан с информацией, имеющей разную значимость и разную степень доступности для исходной и целевой аудитории. Например, каждая глава книги начинается ссылкой на стандарты профессиональной подготовки педагогов, разработанные американской Национальной ассоциацией дошкольного образования NAEYC National Association for the Education of Young

¹⁰ Например, в этой монографии: Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.

¹¹ Lynn R. Marotz. Health, Safety, and Nutrition for the Young Child. – Cengage Learning; 9th edition. – January 1, 2014.

Children. Например, на с. 3 пособия мы видим следующее:

NAEYC Standards Chapter Links

#1 a and b: *Promoting child development and learning*

#2 a, b, and c: *Building family and community relationships*

#4 a, b, c, and d: *Using developmentally effective approaches to connect with children and families*

#5 a, b, and c: *Using content knowledge to build a meaningful curriculum*

#6 b, c, d, and e: *Becoming a professional Field Experience*

Здесь указаны номера и названия стандартов NAEYC, полный текст которых знаком или, по крайней мере, доступен американскому получателю по умолчанию, поскольку висит на сайте ассоциации. Однако официального перевода этого документа, которым могли бы воспользоваться российские специалисты, пока нет. И это потенциальная проблема, так как в тексте оригинала развиваются основные положения этих документов, так называемые key elements, обозначенные в приведенном выше примере буквами латинского алфавита. Для содержания данного текста также важна информация об американских законах и национальных программах здравоохранения (*Healthy People 2000 document, Healthy People 2020 initiative, Healthy People 2020 ideals*).

В книге также говорится об оказании медицинской помощи детям и той информации, которой должны владеть как учителя и воспитатели, так и родители. Рассказывая об организации медицинской помощи в США, автор рекомендует медицинские центры, в которые можно обращаться (Head Start, Child Find screening programs, Medicaid assistance,

Well-child clinics и т.д.). По вполне понятным причинам, российская целевая аудитория этой информацией воспользоваться не может.

В конце каждой главы находится раздел с практическими заданиями воспитательного характера. В качестве примера приведу фрагмент со с. 33 (в сокращенном варианте):

CLASSROOM CORNER

Teacher Activities

The Importance of Friendship (NHES PreK-2, National Health Education Standard 4.2.1)

Concept: Having fun with friends.

Learning Objectives

- Children will learn that there are many activities to do with friends.
- Children will learn that friendship requires sharing and turn-taking.
- Children will learn that working together can be a lot of fun.

Learning Activities

- Read and discuss one of the following books:
 - *What Is a Friend?* by Josie Firmin
 - *A Rainbow of Friends* by P.K. Hallinan
 - *Winnie the Pooh: Friendship Day* by Nancy Parent
 - *Pooh: Just Be Nice... to Your Little Friends!* by Caroline Kenneth

Рекомендуемая здесь детская литература в нашей стране не издавалась, и по этой причине не знакома нашей аудитории. Поэтому переводчику необходимо знать, каким образом планируется использование данного материала его потенциальными получателями, и далее принять стратегическое решение. А варианты здесь напрашиваются следующие.

Вариант 1: традиционный. Оставить все как есть, но тогда неизбежно возникает вопрос о том, сможет ли наша аудитория использовать эту книгу по ее прямо-

На злобу дня

му целевому назначению, то есть именно как практические рекомендации. Но какова в этом случае будет прагматическая ценность этого перевода, в терминологии В.Н. Комиссарова?

Вариант 2: студенческий. Опустить всю неизвестную широкой аудитории прецизионную информацию. В этом случае получится нечто вроде реферативного перевода, дающего общее представление о содержании книги. Может, кому-то этот перевод и пригодится.

Вариант 3: исследовательский. Изучить всю доступную информацию и ввести в текст перевода необходимые пояснения, а заодно и перевести текст стандартов NAEYC. В этом случае объем одних только комментариев может значительно превысить объем самой книги. Издательство этот дополнительный труд, скорее всего, не оплатит, но зато кто-нибудь напишет диссертацию.

Вариант 4: не совсем традиционный. Выполнить перевод в соответствии с теорией скопос, то есть сделать полную адаптацию и по возможности заменить американские реалии российскими. Но в этом случае потребуются помощь юристов и специалистов по дошкольной педагогике, а это дополнительное время и опять же деньги.

Вариант 5: логичный, но не всегда реальный. Сделать выборочный перевод тех фрагментов, которые представляют первоочередный интерес. Но такое возможно только в том случае, если заказчик будет готов своевременно предоставить эту информацию. И поскольку мы до сих пор не получили ответов на наши вопросы, мы пока что планируем использовать эти примеры как case study на заня-

тиях по письменному переводу. Естественно, с разрешения издательства.

Всё сказанное в этой статье относится, прежде всего, к письменному переводу. Однако если обратиться к переводу устному, то можно увидеть еще больше белых пятен на пути использования систем ИИ. Конечно, если речь идет о переводе банальной фразы «Как пройти в библиотеку?», то здесь такое решение возможно, но при одном маленьком условии: если система распознавания устной речи и преобразования ее в текст сработает на улице. А если требуется устный перевод научного доклада, выступления или ответственных переговоров? В этой ситуации невозможно недооценивать значение прагматического аспекта коммуникации, в котором, помимо всего прочего, задействованы и такие средства, как интонация, риторические паузы, междометия и тому подобные «мелочи», которые в контексте сообщения часто означают весьма многое, если не все. Какова при этом цена смысловых потерь или искажений, предсказать трудно. И даже если бы постредактирование устного машинного перевода было возможно технически, то вопрос о его целесообразности и эффективности в данной ситуации остается открытым.

Вместо заключения я хотела бы сказать следующее. Заявленная мной тема настолько широка и многогранна, что в одной статье обо всем сказать невозможно, как и пока невозможно поставить в этих рассуждениях точку: ведь многое из того, о чем я здесь говорила, носит весьма и весьма дискуссионный характер. Но, может быть, это и хорошо?